

ПАНОРАМА

● 27 апреля 2017 года в городе Курганинске Краснодарского края прошёл большой праздник книги под девизом «Книга – держава мудрости», организованный Краснодарским отделением Союза писателей России и литературным объединением «Лель» совместно с администрацией города Курганинска и был посвящён юбилею краевой писательской организации, которой в 2017 году исполняется 70 лет.

Писательский десант из Краснодара в составе Светланы Макаровой, Сергея Тимшина, Любви Детковой, Олега Никулина сначала высадился в школы города, где провёл встречи в 5-ом, 6-ом, 7-ом и 10-м классах четырёх средних школ Курганинска. Выступавшие прочли стихи, рассказали ребятам о своих книгах и публикациях, а также познакомилась с творчеством школьников, послушали выступления чтецов.

Затем общение писателей продолжилось в большом зале Дома культуры, который заполнили школьники и почитатели русского слова. Свободных мест не было! В холле зрителей и гостей города встречали книжные выставки, портреты писателей Кубани и классиков отечественной литературы.

Самодельные артисты, члены школьного литературного отделения ЛИТО «Лель» подготовили большую программу. На сцене выступили хоровые коллективы, сольные вокалисты, прозвучали посвящения России, казачьи кубанские песни. Юные артисты порадовали и танцевальными номерами, даже гимнастическим этюдом. Всё это помогало удержать внимание зала и говорить со зрителями на важные и серьёзные темы. Своими размышлениями о роли книги в жизни и формировании человека поделились руководителями ЛИТО «Лель» Г. А. Кондакова, замглавы администрации Курганинского района Б. В. Панков, работники образования и библиотечной системы.

В концертной программе большим блоком было представлено творчество Светланы Макаровой, прозвучали отрывки из её рассказов в исполнении школьников, ребята задавали вопросы о жизни и творчестве автора, а также показали замечательную инсценировку рассказа писательницы «На закате». Автор также читала свои стихи и даже по просьбе местных литераторов прямо на сцене прослушала и оценила рассказ о Великой Отечественной войне юного прозаика *Михаила Жукова*.

Почётные гости – краснодарские писатели – также приветствовали со сцены жителей и гостей Курганинска, читали свои стихи, знакомили слушателей со своими новыми книгами.

● В рамках празднования 70-летия Краснодарской краевой писательской организации в библиотеке им. Н. А. Некрасова состоялась презентация поэтического альбома, в котором запечатлена история литературного объединения «Верность», возобновившее работу при писательском Союзе 12 лет назад. А первые занятия начинающих литераторов проходили ещё в 30-е годы. Руководителями в разное время были Владимир Ставский (1900-1943), Василий Попов (1910-1992), Виталий Бакалдин (1927-2009). В недавнем прошлом – Любовь Мирошникова и Вячеслав Динека, который снова сегодня возглавляет ЛИТО. Именно «Верность» дала старт многим литературным талантам. Среди них члены Союза писателей России Нелли Василюкина, Геннадий Пошагаев, Виктор Деревянко, Светлана Медведева, Марина Тараненко. Активно работающие ныне члены Международного Союза писателей и мастеров искусств Любовь Пахомова, Владимир Гордиенко, Ольга Денисова и многие другие. Редакторами-составителями альбома стали Любовь Деткова, Наталья Бедная, Елена Степура. В библиотеке звучали стихи и добрые слова, адресованные руководителям и членам ЛИТО.

● 14 апреля в Центральной библиотеке г. Анапа состоялась творческая встреча с писателем Ольгой Хомич-Журавлёвой. В читальном зале библиотеки собрались учащиеся старших классов, члены литературных объединений «Парус» и «Авангард», а

так же любители литературы. Встречу вела Людмила Каткова, которая рассказала зрителям о творческом пути автора и даже сделала трогательный подарок – видеofilm и песню о городе детства Ольги Хомич-Журавлёвой.

Писатель представила собравшимся свои новые книги, сборники стихов, рассказы и повести, выпущенных за последние два года. Прозвучали отрывки из произведений О. Хомич-Журавлёвой. Автор подарила библиотекам города экземпляры своих книг.

● В Краснодаре в Литературном музее Кубани прошёл вечер памяти писателя, журналиста Петра Ефимовича Придиуса, которому в 2017 году исполнилось бы 85 лет. В мероприятии приняли участие дочь писателя Майя, члены Союза писателей России, сотрудники газеты «Кубанские новости», которую много лет возглавлял П. Е. Придиус, члены ЛИТО «Верность», студенческая молодёжь. Своими воспоминаниями поделились с присутствующими сменившая П. Е. Придиуса на посту председателя КРО СПР С. Н. Макарова, Н. Т. Василюкина, А. Д. Мартьяновский, Л. Ф. Решетняк и другие. Встречу провела сотрудник музея Н. В. Ломосова.

● В Литературном музее Кубани состоялся творческий вечер, посвященный памяти поэта и прозаика Евгения Александровича Евтушенко. Мероприятие провела Татьяна Немчинова, писатель-публицист, литературовед, критик. Одна из книг писательницы «Голос русской поэзии» посвящена теме поэтического вечера.

Татьяна Павловна поделилась воспоминаниями о том, как в июле 2015 года, поэт впервые побывал в Краснодаре. На его пресс-конференции в редакции газеты «Комсомольская правда» и на творческом вечере, состоявшемся в большом концертном зале на Красной, 5, писательнице посчастливилось присутствовать. Кубанская творческая интеллигенция, по её словам, отнеслась к этой встрече радушно и с огромным интересом. «Зал был переполнен. Около трех часов (после двухчасовой пресс-конференции), под шквал аплодисментов, Евгений Александрович до позднего вечера читал стихи и поэмы, и не только свои – декламировал стихи своих любимых поэтов – Пушкина, Маяковского, Пастернака, Высоцкого; рассказывал о своей творческой и педагогической деятельности; взволнованно говорил о проблемах в литературной, образовательной и культурной жизни нашей страны; отвечал на многочисленные вопросы. Удивляло только одно: откуда он черпал силы? Деятельная жизнь его в то время вершилась в жестком режиме: сразу же со сцены его увозили в аэропорт для ночного перелета в следующий город, на следующую встречу с читателями!..»

На той памятной встрече, с трогательным вниманием и благодарностью он принял от меня в дар мою книгу «Голос русской поэзии». От него же я с благоговением получила подарочный экземпляр книги «Весь Евтушенко» с автографом.

В интервью, 22 октября 2016 года, на российском телеканале «Культура» Евгений Александрович Евтушенко напутственно всем поколениям россиян провозгласил: «Для настоящего человека нет ничего такого, что происходит в стране, чтобы оно не относилось к нему самому!»

Скорбно констатировать, что первого апреля сего года оборвалась жизнь поэта, нет среди нас этой легендарной личности, знаковой фигуры олицетворяющей эпоху.

В литературной гостиной присутствовала группа студентов КУБ ГУ. По словам одной из них, *Ангелины Мусиенко*, благодаря живому интересному рассказу Т. П. Немчиновой она узнала больше о замечательном русском поэте Е. А. Евтушенко, о его творчестве, также для себя открыла имена некоторых современных российских поэтов, о которых до этого не слышала.

СОБИНФО

К ПУШКИНСКОМУ ДНЮ

Александр Сергеевич
Пушкин

Друзьям

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет! хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный;
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнание жизнь моя;
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер – и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье;
Освободил он мысль мою.
И я ль в сердечном умиленьи
Ему хвалы не воспую?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный.
Он скажет: просвещенья плод –
Разврат и некий дух мятежный.

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

ЮБИЛЕЙ

Встречи с искусством в старинном особняке

Здравствуй, милый светлый наш «Сантал»,
Здесь друзей я вижу постоянно...

Кронид Обойщиков

В детстве я думала, что самые красивые города – те, где все здания новые! Однажды мне пришлось побывать в таком и, конечно, впечатление осталось совсем не радужным – безлико и скучно. К счастью, в нашем родном Краснодаре сохранились особняки с более чем вековой историей! Но, как правило, они долгое время остаются молчаливыми свидетелями виденного и пережитого ими прошлого, до поры ожидая появления того чуткого, любопытного человека, которому раскроют свои хранимые в тайне свидетельства.

Дом, в самом начале XX века выстроенный в городе Екатеринодаре на улице Борзиковской, 40, через два десятилетия своего существования, не сходя с места, поменял адрес, теперь особняк стоит в Краснодаре, на улице Коммунаров, 58. Современные жители центрального района города забыли, почему их родители и деды называли его «поповским подворьем».

Волею случая, если конечно, в этом мире что-то бывает случайно, директор художественной галереи «Сантал» Нина Антоновна Стрижова именно это здание выбрала для своего выставочного зала и магазина товаров для художников. И тот же «случай», познакомив её с писателем-краеведом Виталием Петровичем Бардадымом, помог ей узнать историю столетнего особняка, в том числе – кому принадлежал в дореволюционные годы.

Первым хозяином здания был священник войскового собора Святого Благоверного князя Александра Невского Иоанн Куш. Вот откуда в народе название «поповское подворье». Протоиерей Иоанн пользовался уважением паствы и активно участвовал в общественной жизни города, даже выдвигался на съезде городских избирателей Екатеринодара в Государственную Думу.

Удивительно, как в наше время это сопрягается с активной гражданской позицией нынешней хозяйки здания Нины Антоновны Стрижовой! В стенах, некогда видевших интеллектуальный цвет города, слышавших речи и обсуждения планов по улучшению жизни кубанцев, благоустройству столицы края, вновь, в рамках сменяющихся экспозиций выставок галереи проходят встречи молодёжной аудитории с заслуженными мастерами – художниками, писателями, музыкантами, ветеранами войны и труда. Здесь выступают поэты, организуются презентации и юбилеи, снова ведётся активная культурно-просветительская деятельность.

Как, опять же, совершенно неслучайна сегодняшняя связь особняка с деятелями искусства, с мастерами кисти и пера. В 1970-1980-е годы в цокольном этаже здания располагалась мастерская живописцев Николая Туркова и Олега Карпенко. В те годы Коммунаров, 58, являлось особой точкой притяжения для студентов и выпускников художественно-графического факультета КубГУ и КХУ. Здесь собирались горячие головы, бурно спорили о новом искусстве, витийствуя под «рюмочку чая» в период «сухого закона», и даже в этом ощущая себя «нонконформистами». Здесь, в подвале, побывали и поработали молодые художники, чьи имена сейчас занимают первые строчки в «табели о рангах» современных живописцев и графиков Кубани и России. Сюда заходил знаменитый краснодарский поэт Виталий Бакалдин, сохранилась книга с его дарственной надписью Тамаре Даниловне Куплениковой, племяннице художницы и звезды немого кино Ирины Николаевны Володки.

С именем Ирины Николаевны связана ещё одна замечательная история особняка.

Ведь в 1946, когда дом плотно заселяли семьи, потерявшие жильё во время войны, особняк на Коммунаров 58 стал последним приютом для художницы и актрисы Ирины Володки, урождённой дворянского рода Кулишовых-Карма. Это она, первая в отечественном кинематографе, сыграла жену Пушкина Наталью Гончарову. Ирина Николаевна снималась у знаменитых режиссёров В. Р. Гардина, А. В. Ивановского, Ч. Г. Сабинского, Ю. А. Желябужского, А. М. Роома, и даже у легендарного С. М. Эйзенштейна – в эпизодической роли придворной дамы в фильме «Иван Грозный». На её счету роли, сниклавшие внимание и любовь не только зрителей, но и кинокритиков, и по праву вошедшие в золотую коллекцию Госфильмофонда.

Много лет проработав на киностудии «Ленфильм», Ирина Николаевна вернулась в родной город и поселилась здесь, на Коммунаров, 58, уже после заката своей кинематографической карьеры и расставания с супругом – ингушским писателем Идрисом Базоркиным. Родные и близкие люди, сестра Елена и племянница Тамара, смогли поддержать её в трудный период жизни. Ирине Володке к тому времени было за шестьдесят, но она сохранила уникальную внешность, так что под давлением жизненных обстоятельств вынуждена была позировать, став натурщицей 70-х годов для студентов и преподавателей КХУ. Благодаря этому сохранилось немало её портретов, среди которых наиболее значительным является парадный, работы великого кубанского портретиста Г. У. Кравченко, а также портреты кисти Н. В. Полуценной, И. В. Миняйленко, В. К. Тарасенко, Л. В. Плотноковой, Л. И. Шершуковой.

Возможность полюбоваться ими сегодня появилась у краснодарцев благодаря тому, что картоны и холсты попали в поле зрения Нины Андреевны Стрижовой. Настоящая многолетняя дружба связывает её с племянницей актрисы Тамарой Даниловной Куплениковой, которая передала в дар галерею также часть рисунков и самой Ирины Володки. Все работы были отреставрированы, застеклены и оформлены в багет. Узнав историю жизни Ирины Николаевны и всей дворянской семьи Кулишовых-Карма, Нина Антоновна не могла остаться равнодушной, и, благодаря её усилиям, в здании появилась мемориальная комната Ирины Николаевны Володки, где собраны уникальные фотографии и документы советской кинозвезды. Так же было записано несколько документальных фильмов с воспоминаниями о Володке Т. Д. Куплениковой, Д. П. Вайля, Г. Г. Гиберта, Г. У. Кравченко, О. А. Сальковой.

Вот уже третий десяток лет в старый дом на Коммунаров, 58, с вывеской «Художественная галерея «Сантал» регулярно при-

ходят экскурсии школьников и студентов, ветеранов и военнослужащих, и, конечно же, вновь здесь собираются лучшие художники, писатели, музыканты Краснодара и края. Гостеприимная хозяйка галереи не только радушно встречает гостей, она всегда очень увлекательно рассказывает о новой экспозиции, о представленных работах, отмечая самые тонкие нюансы в работах мастеров. Со знанием дела Нина Антоновна раскрывает зрителям тайны творческого замысла, передавая жизненные истории авторов и биографии прототипов героев картин. В зале звучат стихи, ещё больше усиливая эмоциональное воздействие. Каждая встреча, каждое мероприятие (а за эти годы в этих стенах прошло уже сто пятьдесят художественных выставок и более ста литературных творческих вечеров!) становится ярчайшим событием в культурной жизни нашего города, оставаясь незабываемым впечатлением для всех гостей и друзей галереи.

Мне кажется, что на стене особняка уже вполне уместна мемориальная доска с перечислением знаменитых имён тех, кто жил здесь, работал, кто побывал и оставил записи в книге отзывов.

Особо нам, литераторам, дорого то, что Нина Антоновна Стрижова возглавляет Общественный совет при краевом отделении Союза писателей России. Союз кисти и пера, созданный в галереи «Сантал», с 2005 года активно сотрудничает и реализует самые разные, порой уникальные творческие и культурные проекты. Так большое внимание почитателей художественного и литературного искусства привлекали тематические выставки «Хлеб всему голова», «Позови меня тихая Родина», «Память», «Матери России». И на каждом открытии обязательно звучали стихи и песни. Поэтому на предполагаемом мемориале к именам художников обязательно нужно добавить имя поэта Кронид Обойщикова, прозаика Виктора Лихоносова и многих других, прославивших Кубань литераторов, для которых «Сантал» стал самым сердечным местом на карте города.

Уникальна энергетика дома, в котором долгое время звучали молитвы и духовные песнопения, в котором были воспитаны четыре священника. А потом писались картины, читались стихи. Уникальны встречи великих и славных деятелей искусства и культуры, случившиеся под его крышей. Уникальна и современная галерея «Сантал», в лице своей хозяйки Нины Антоновны Стрижовой, возродившая и приумножающая любовь краснодарцев к высокому искусству, их интерес к мастерам кисти и пера, а так же уважение гостей со всей России к людям, живущим в нашем столь творческом городе. Благодаря неутомимой деятельности Нины Антоновны, её абсолютному вкусу и интуиции множатся всё новые и новые удивляющие всех мероприятия, к которым не иссякает интерес зрителей. А, значит, нельзя допустить даже малейшего намёка на возможность утратить столь уникальное здание, являющееся, несомненно, достоянием современности, этот особый для истории Екатеринодара-Краснодара дом-сторожил, напитанный молитвами и светом создающего искусства!

В этом году директор художественной галереи «Сантал» Нина Антоновна Стрижова отмечает свой юбилей и 25-летие сотрудничества с творческой интеллигенцией Кубани. Юбилейная дата стала прекрасным поводом для масштабного проекта, вновь объединяющего самых лучших, самых известных и титулованных художников и писателей Кубани. Пусть исполнится задуманное! Пусть ещё долгие-долгие годы, через все перемены и формации, старинный особняк распахивает двери всё новым и новым поколениям, приглашая на встречи с вечно прекрасным искусством!

С. Н. Макарова

Светлана Макарова

Сослагательное наклонение в этом мире не для тебя,
Ты всегда – к новой цели движение,
жизнь любя и людей любя!
Разве воля слепого случая твой успех и твоя стезя?!
И усталость порою мучает, остановкой в пути грозя.
Жар души твоей служит истине,
Отдаешь ей себя сполна.
Верит сердце и любит искренне,
А в глазах – ликует Весна!
Нежность, мудрость и сострадание –
Ими дышат твои дела.
Нина – светлое Божье создание,
Ангел дал тебе два крыла!

Любовь Мирошникова

Н. А. Стрижовой

Как Ассоль в доброй сказке Грина
Верит в алые паруса,
Вы мечтою крылаты, Нина,
С детской верою в чудеса.
Вы парите над океаном
Бесконечных земных проблем,
И в жестоком мире и странном,
Свет любви излучая всем.
Но мертва без дел вера наша,
Пребывает с тем благодать,
Кто, испив испытаний чашу,
Сердце ближним готов отдать.
Слава Богу, голубушка Нина,
Вы – из сильных людей числа.
Бурных жизненных вод стремнина
Вашу веру не унесла.
Ваши крылья крепче с годами –
Не ослабят их злым ветрам.
Милость Божья повсюду с Вами,
И души Вашей светел храм.

Вячеслав Динка

Волею женщины этой великой
Здесь в красивую сказку слились:
Дальний север с природою дикой,
Ночи юга, и горная высь.

Но поведать не в силах картина,
Что за тайны тут воздух хранит-
Даже имя обычное НИ- НА,
Будто зою лесное звенит.

Ты идешь между дивных творений,
Словно ангел, сошедший с высот,
И склоняется творческий гений
Пред владычицей этих красот.

Ты – примета высокого чувства,
И сияет, как свет неземной,
Вся волшебная сила искусства,
Словно нимб, над твоей головой,

Но и в этом святом ореоле
Несравнима ТВОЯ красота!
Ты прекрасна, как сказка о воле,
О несбыточной доле мечта...

Виктор Деревянко

ОДА САНТАЛУ

Виват, пера и кисти братья!
Возрадуйтесь! Сей миг настал!
Нам распахнул свои объятия
Приют художников – «Сантал».

Благослови, святая Нина
Наш праздник творчества и муз...
Душе отрадная картина,
«Друзья, – прекрасен наш Союз».

Равноопостольной не ново
Нас в промыслах благословлять...
Земная Ниночка Стрижова –
Ее наместник, так сказать.

На благо общества старанья
И ею созданный салон
Душевные врачуют раны,
Как брат святой – Пантелеймон.

Огонь картин, стихов томленья
Рождают в наших душах вновь
«И божество и вдохновенье
И жизнь и слезы и любовь»...

ЮБИЛЕЙ

Юрий Геннадьевич
ВАСИН

Родился в г. Горьком, ныне он называется Нижним Новгородом. В 1994 году окончил отделение театральной режиссуры Краснодарской Государственной Академии Культуры. С 1984 года в периодической печати публикуется его стихи, большое место в которых занимает военная тема.

Регулярно Юрий Васин выступает с шефскими авторскими концертами в воинских частях и на погранзаставах, дислоцированных на территории Краснодарского края, проходят его творческие встречи с допризывной молодежью. Многие свои стихотворения поэт и бард исполняет под гитару, что дает ему возможность усилить эмоциональное воздействие поэтических текстов на слушателей. И выступления проходят с неизменным успехом, потому

что за каждым словом не только искреннее сердечное чувство, но и свидетельство участника боёв. Ведь в 2000-2003 годах, будучи офицером ГУИН Минюста России по Краснодарскому краю, Юрий Васин принимал участие в боевых действиях в Чеченской Республике. В мае 2002 года по приглашению командующего группировкой войск на Северном Кавказе генерал-полковника Молтинского в Чечне прошли около тридцати творческих встреч с солдатами и офицерами Министерства обороны и Внутренних войск, участвующими в контртеррористической операции. Юрий Геннадьевич Васин награжден медалью Министерства обороны России «За укрепление боевого содружества».

Он активный участник бардовского движения. Лауреат Всероссийского фестиваля «Песни Боевого братства». Активно работает в составе жюри на фестивалях авторской песни, проводимых на юге России. Оказыва-

ет большую практическую помощь молодым авторам в их профессиональном росте.

В 2002 году Юрий Васин стал победителем Всероссийского конкурса поэтического мастерства среди сотрудников уголовно-исполнительной системы России. По итогам конкурса рекомендован ко вступлению в Союз писателей России. С 2003 года член Союза писателей России, вышли в свет поэтические сборники поэта «Пуля-дура» и «Рубикон».

В галерее «Сантал» 8 мая состоялся юбилейный творческий вечер поэта, автора стихов и песен о Великой Отечественной войне, Ю. Г. Васина, посвящённый Дню Победы. В нём приняли участие собратья по писательскому цеху, боевые товарищи юбиляра из содружества «Братство», почитатели его творчества.

Редакция газеты «Кубанский писатель» горячо поздравляет Юрия Геннадьевича Васина с пятидесятилетием!

Юрий Васин

ШТЫКОВАЯ

На поле осыпалась рожь.
Над полем похрипело: Танки!
И в этот миг осознаешь
Всю немощь штыковой атаки!

Под каску сжался целый мир,
То, что являлось тобою...
Но отрезвляет командир –
Гранаты приготовить к бою!

О бруствер треснула броня
И замер танк огнем объятый!
И закружил второй дыма,
И третий встал, четвертый, пятый...

Горят проклятые, горят!
А помирать кому охота!?
Без них попятилась назад
Во ржи немецкая пехота!

Свой урожай пожнет война,
Смерть снова будет не в накладе...
И чертыхаясь, старшина
Штык трехлинейке приладил.

– Ну что, сынки мои, пора!
Сейчас покажем супостату!
Над полем взорвалось: Ура-а!!!
В бой штыковой пошли солдаты!

КУРИМ ПРИМУ ПЕРЕД БОЕМ

Курим «Приму» перед боем,
Загораем на броне.
Сашка, мы с тобой герои,
Отличились на войне.
Нас представили к наградам
За нелегкий ратный труд.
Как же дома будут рады!
Нас с тобою дома ждут!

Но война такое дело,
Или пан или пропал!
Не уйдя из под обстрела
БТР наш догорал...
Снайпер целил тебе в спину
И тверда рука его.
А меня накрыло миной,
Не оставив ничего...

Мне сейчас совсем не страшно,
Но беззвучно я кричу:
Только без вести пропавшим
Быть я, Сашка, не хочу!
Тихим облачком склонился
Я к тебе, товарищ мой:
Ты б сюда не торопился!
Слышишь, Санька, ты живой!

Ты расскажешь, как все было,
Как в зеленке нарвались!
Как среди сплошных разрывов
За тебя цеплялись, жизнь!
Как геройски умирали,
Кровью харкая в пыли...
Нас теперь вернуть едва ли,
Ну а ты, Санек, живи!

Сашка, мы с тобой герои,
Отличились на войне!
Эх бы, «Примку» перед боем
Покурить бы на броне!
Взять бы в руки автоматы,
Разогнать печаль свою!
Да ругнуться смачно матом...
Но нельзя... Ведь мы в раю...

БРАТЬЯМ СЛАВЯНАМ

Мы с тобою, Микола, остались вдвоем.
И похоже, для нас нету брода...
Но мы верим еще, огрызаясь огнем,
Что прорвемся, уйдем на свободу!
Обложили в распадке матерых волков,
И пришло к нам грехов отпущенье!
И сжимают кольцо блики

вспышек-флажков,
Ослепляя ночное ущелье!
А для них мы не люди, для них мы зверье!
Мы же сами презрели законы!
Злобно криком кричит наше волчье чутье,
Что пора экономить патроны...

Кто тут прав, кто не прав – не понять
на войне.

И вы тут не найдете безгрешных!
А вчера у костра ты твердил о весне,
Как на Львовщине зреют черешни...
Только ветер унес пух родных тополей –
Мы с тобою «солдаты удачи»!
Ты приехал сюда пострелять москалей,
Только все обернулось иначе!
Будет с нами короткий у них разговор,
Не длиннее, чем выстрел в затылок!
Где-то рядом в кустах сухо лязгнул затвор
И душа безнадежно заныла...

Вязнет в горле моем жижка матерных слов...
И хотя нет особого страха,
Но я честно скажу: Я еще не готов
Побеседовать нынче с Аллахом!
Среди этой чужой, окаянной земли
Мы за что умываемся кровью!?
Ты, Микола, с фуражки трезубец сними!
...Ладно, черт с ним... Носи на здоровье...
Вот, Микола и все. И не дрогнет рука.
И душа позабудет о теле...
Нас на утро землицей присыпят слегка,
Чтоб с тобою мы тут не смердели...

В ПОДНЕБЕСНОЙ СИНЕВЕ

В поднебесной синеве
Гомон птичьей стаи.
Позабывши о войне,
Маму вспоминаю...
Размечтался нынче я,
Мысли все о доме...
Затаилась смерть моя
На кудрявой кроне...

Поле чистое кругом,
Никуда не деться.
И спокойно целил он
Прямо мне под сердце...

Но листья березняка
Солнца луч коснулся,
Ослепив на миг стрелка –
Снайпер промахнулся!
Я лицом уткнулся в грязь,
Всё героичество к чёрту!
И лежу не шевелясь,
Притворившись мёртвым...

Разыгралась на дворе
Золотая осень,
Бьёт дождями по спине
И листвой заносит.

А лежать нет больше сил,
Потускнели краски...
Шибко горло мне сдавил
Ремешок от каски.
Солнце, ты давай катись
По небу быстрее!

Из меня уходит жизнь,
Тело коченеет...

Поле чистое кругом,
Никуда не деться!
Поднимусь, так сразу он
Влупит мне под сердце!

В поднебесной синеве
Гомон птичьей стаи...
Ох, не сладко нынче мне,
Маму вспоминаю...
Ты, свою любовь храня,
Помолись за сына,
Чтобы нынче смерть моя
Прошагала мимо...

ЗАШУМЯТ ВЕТРА

Зашумят ветра
Во траве степной,
Вот и мне пора
Дом покинуть свой.
Попрошаюсь я
С домом отчим
И помчусь в бега
Дикой ночью.

Ох, ты, конь гнедой,
Ты не рвись в голоп!
Что нас ждет с тобой
Средь лесов, болот!?
Ведь не сладко там,
Во чужом краю.
Но придется нам
Жизнь промчать свою!

Да не сам же я –
Погнала судьба
Моего коня
Сквозь года, года.
Позади в пыли
Все прощания.
А нас ждут одни
Обещания...

Ох, ты, конь гнедой,
Свято верю я,
Что вернусь домой
В родные края...
А сейчас вперед,
Всем смертям назло!
Ох, же дай нам Бог,
Чтобы повезло!

МНЕ БЫ АНГЕЛОМ ВЗМЫТЬ

Мне бы ангелом взмыть
В небеса высоко.
Протянуть жизни нить
далеко, далеко.
В райских песнях воспеть
все начала начал.
Научиться бы петь,
Чтобы пел – не кричал.
Научиться бы мне
Свято верно любить,
Да по ранней весне
В небо к ангелам взмыть.

Там, где ангелы щебечут,
Все же легче.

Мне бы волком завывать
От тоски на луну.
Так нельзя дальше жить,
А вот как – не пойму.
В волчих песнях воспеть
Дух свободы в ночи.
Научиться бы петь,

Да кричат – замолчи!
Научиться бы мне
От погонь уходить.
Да при полной луне
В небо волком завывать.

Там, где волки ждут картечи,
Все же легче.

Мне бы ангелом взмыть
Да смотаться б к чертям.
Протянуть жизни нить
По безбожным ночам.
В райских песнях воспеть
Дух свободы в ночи.
Научиться бы петь,
А душа все кричит.
А душа вся в огне.
Неуютненько здесь.
Научиться бы мне
Быть лишь тем – кто я есть.

Там, где ангелы щебечут,
Там, где волки ждут картечи,
Все же легче!

ПУЛЯ – ДУРА

А кто сказал:
Я дура, я слепа!?
Сейчас развею это заблужденье!
Вот механизм дослал
меня в канал ствола...
До выстрела всего одно мгновенье...
И говорю я гильзе:
Отпусти!
Хоть мы патрон и наш союз опасен,
Но скоро вырвусь я
и на своем пути,
Как молнию,
оставлю альпий трассер!
Но что-то затянулся этот старт.
Ты что ж, стрелок, усердие оставил!?
Я знаю, что пойду не наугад,
Меня ты точно в цель свою направил...
Курок пошел, боек велит начать!
К чему теперь пустое промедленье!?
Я с радостью иду,
устала ждать!
Я начинаю дикое вращенье!
И вырвавшись на волю из ствола,
Я смерть несу своим тупым усердьем...
Так кто сказал: Я дура!? Я слепа!?
Я не слепа,
я лишь немилосердна!
И не за грош жизнь чью-то оборву.
И, кожу разорвав, застряну в теле...
С каким же наслаждением я бью,
Особенно –
по движущимся целям!
А вот и он бежит, врагов кляня.
Ну здравствуй, друг,
я рада нашей встрече!
Я холодна, нет сердца у меня,
Зато внутри сидит стальной сердечник!
Сейчас тупой последует удар.
Как жаль –
у наслажденья миг короткий.
Меня стрелок отлично в цель послал –
Чуть-чуть пониже съехавшей пилотки!
Но провистев,
лишь обожгла висок!
Промчалась мимо в бешеном угаре!
И на излете –
пропахав песок,
Осталась там, куском остывшей стали!
Так кто сказал: Я дура! Я слепа!
Опасное же это заблужденье!
Ведь в след за мной другая из ствола
Уже пошла,
начав свое вращенье...

ЮБИЛЕЙ

Юрий Павлов

ТЕМА РОДИНЫ В ЛИРИКЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Тема Родины в лирике Блока 1901-1907 годов развивается в разных направлениях, чаще параллельных, нежели пересекающихся. Все они по-разному проявляются в разделе «Родина», куда вошло 27 стихотворений 1907-1916 годов. Важнейшую роль в нём играет цикл «На поле Куликовом» (1908).

Известную битву А. Блок рассматривает как событие символическое, главный смысл которого раскрывается через два многозначных образных ряда, являющих собой противоположные жизненные начала. Все пять стихотворений пронизывает начало светлое, святое, божественное: «святое знамя», «светлый стяг», «за святое дело», «светлая жена», «в одежде, свет струящей», «светел навсегда», «светлые мысли», «озарим кострами», «что княжна фатой» и т.д. Ему противопоставит начало тёмное, ночное, зловещее: «тучей чёрной двинулась орда», «сожжённые тёмным огнём», «и даже мглы – ночной и зарубежной», «пусть ночь», «в ночь, когда Мамай», «перед Доном тёмным и зловещим» и т.д.

Данные образные ряды – своеобразная ось координат всего цикла. Лирический герой, Русь находятся на пересечении этих начал, стихий. Отсюда и борьба на разных уровнях: военно-национальном и личностном, борьба со злом во вне и в себе, борьба с переменным успехом:

*Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Стелную даль.*

(«Река раскинулась. Течёт, грустит лениво...»)

*Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моём,
И падают светлые мысли,
Сожжённые тёмным огнём.*

(«Опять с вековой тоскою...»)

Однако наличие противоположных начал в цикле, антитеза, используемая в качестве основного художественного приёма, не свидетельствуют о двойничестве этих начал, что присуще творчеству символистов. «На поле Куликовом» отличает христианская иерархичность, подчинённость системы образов, ценностной шкалы источнику света – Богу (отсюда та неслучайная символика, о которой шла речь). К Творцу по-разному обращены мысли героев в наиболее критические минуты:

Чтоб не даром биться с татарвою, За святое дело мёртвым лечь!

*(«Мы, сам-друг, над степью в полночь
стали...») Теперь твой час настал. – Молись!
(«Опять на поле Куликовом...»)*

Божественное начало, наличествующее во всех пяти стихотворениях, как начало ценностное и структурно определяющее, ни разу не подвергается сомнению, тем более дискредитации, как было до июня 1908 года и после него неоднократно.

Этот цикл не столь характерен для творчества поэта и отношением к другому бессознательному чувству – тоске. Она, один из ключевых образов в лирике А. Блока, – порождение двух стихий: природной и человеческой («Река раскинулась. // Течёт, грустит лениво...»). Природная тоска-грусть существует как данность, как прародина русского человека. К этой тоске своеобразно привито азиатское начало: «Наш путь – стрелой татарской древней воли // Пронзил нам грудь». И как результат – беспредельность, безбрежность, вечность

русской тоски.

Отношение Блока к азиатскому пути, к тоске-воле принято трактовать как неосознанное, противоречивое. Такой подход порождён прежде всего констатирующими характеристиками цикла, не выражающими авторских оценок. В четвёртом стихотворении, где позиция поэта обнажена, о влиянии татарской воли – на уровне отдельного человека и уровне вечном – сказано следующее: «Развязаны дикие страсти // Под игом ущербной луны»; «И падают светлые мысли, // Сожжённые тёмным огнём». Понятно, что влияние это положительным не назовёшь.

Показателен выход, предлагаемый в данной ситуации:

Явись, моё дивное диво!

Быть светлым меня научи!

На первый взгляд, «дивное диво» – это не тютчевское: «Я верю, Боже мой! Приди на помощь моему неверью!» («Наш век»). Однако если «дивное диво» возьмём в контексте «светлого» образного ряда цикла, заканчивающегося итоговой мыслью пятого стихотворения: «Теперь твой час настал. – Молись!», – то станет ясно: перед нами редкий случай, когда позиции А. Блока и Ф. Тютчева совпадают.

Конечно, нельзя не заметить: то, что у Ф. Тютчева существует как естество, у А. Блока – труднейшее волевое решение, у которого на уровне чувства и мысли есть серьёзный противовес. Это обуславливает дальнейшее развитие темы Родины в творчестве поэта. Христианская вертикаль в той или иной степени определила направленность стихотворений «Там неба осветлённый край...» (1910), «Сны» (1912), «Я не предал белое знамя...» (1914), «Рождённые в года глухие...» (1914), «Дикий ветер» (1916). Азиатская вертикаль, завершающаяся «Двенадцатью» и «Скифами», породила произведения, ставшие знаковыми.

В стихотворении «Россия» (1908) можно выделить три равнозначных части. В первой задаётся тон в изображении Родины, который станет преобладающим, часто единственным в последующих произведениях цикла: «И вязнут спицы росписные // В расхлябанные колеи», «нищая Россия», «избы серые». Здесь же звучит тонкая лирическая нота («Твои мне песни ветровые, // Как слёзы первые любви»), которую трудно оценить однозначно, ибо такое отношение героя к отчизне соседствует с признанием: «Тебя жалеть я не умею...». Если это любовь, то не традиционно-русская, где жальость и любовь – чувства, по крайней мере, одного корня.

Во второй части появляются прямые характеристики России: «разбойная краса», «прекрасные черты». Возникает вопрос: такое соседство, такой знаменательный ряд – это случайность или закономерность? Оксюморонное словосочетание «разбойная краса» даёт основание предположить, что данный ряд – закономерность.

Здесь же содержится и объяснение неумению жалеть: «Не пропадешь, не сгинешь ты...». Вера Блока держится на двух «ки-тах», первый из которых – «мгновенный взор из-под платка». С большой долей точности можно предположить, что речь идёт о взоре, свергающем в водоворот плотских страстей.

Вторая составляющая веры героя-автора – «глухая песня ямщика», звенящая «тоской острожной». Понятно, что ключевой является последняя часть образа, порождённая известной «левой» традицией, подразумевающей в этой тоске «освободительный» пафос. Таким образом, Блок, игнорируя сущность России, создаёт миф, который по-разному реализуется в «Кармен», «Двенадцати», «Скифах» и других произведениях, в частности, в стихотворении «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?» (1910).

Уже в первой строфе разбойно-острожный мотив получает естественное, только теперь государственное продолжение:

*Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрма!*

О сущности русской государственности в таком контексте гадать не приходится...

Тема любви к Родине в этом стихотворении обретает новое и неожиданное звучание:

Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...

Вольному сердцу на что твоя тьма?

Позиция героя – это позиция человека, не только вынужденно мающегося с Россией, в силу обстоятельств живущего на Родине и подумывающего о разлуке с ней, но и выступающего по отношению к отчизне в роли судьи.

Используя кольцевую композицию, А. Блок вводит в первую и последнюю строфы антитезы (вольные сердце и дух героя противопоставляются тьме и сонному мареву России), которые предопределяют и объясняют суровый приговор отчизне во второй строфе.

Начало её: «Знала ли что? Или в Бога ты верила? // Что там услышишь из песен твоих?» – это риторические вопросы, усугубляющие беспросветность оценок, в том числе, скрытым сарказмом. Беспросветность усиливают и строчки, где даются прямые характеристики России: «Чудь начудила, да Меря намерила // Гатей, дорог, да столбов верстовых», – и строфа, построенная по принципу дискредитации, перечёркивания сделанного:

*Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты –*

Кинулась из степи чёрная мгла...

Среди образов, иллюстрирующих в той или иной степени авторское видение истории, отметим «двойнический», предваряющий «Скифы»: «красное зарево» – «сонное марево».

Стихотворение «Новая Америка» (1913) представляет интерес прежде всего тем, что содержит редчайшее принципиальное признание: «Твоего мне не видно лица», – отчасти объясняющее позицию автора в «Руси», «России» и других названных и неназванных произведениях. Природно-антуражное восприятие страны («за снегами, лесами, степями») мешает понять главное – суть, дух России; то, что в стихотворении названо «лицом». И если вопрос второй строфы: «Только ль страшный простор пред очами, // Непонятная ширь без конца?» – несёт в себе внутреннюю неудовлетворённость таким эмоционально-пространственным видением России, то последовавшее затем объяснение помогает понять, почему недоступно «лицо» Родины.

Недоступно, в первую очередь, потому, что нет веры в Россию православную, в Русь «богомольную». В «Новой Америке», «Грешить бесстыдно, непробудно...» и некоторых других стихотворениях в разъярённом виде уже представлен образ «Святой Руси» из «Двенадцати» – «кондовой, избяной, толстозадой». И ясно одно, что в отношении к ней автор солидарен с двенадцатью красногвардейцами. Правда, пока речь не идёт о том, чтобы «пальнуть» в «Святую Русь».

В «Новой Америке» Блок-двоимирец вновь одномерен, однолинеен. Через «атрибуты» веры: «глас молитвенный», «звон колокольный», «кресты» – герою видится иное, являющееся для него определяющим, на что лишь «намёкнуто»:

Нет, не старческий лик и не постный

Под московским платочком цветным!

*<...> Шепотливые, тихие речи,
Запылавшие щёки твои...*

Так реализуется постоянное желание видеть в России Кармен, готовность верить в Россию-Кармен.

Постоянство проявляется и в другом: у Н. Некрасова (чьё восприятие отчизны было явно созвучно поэту) Русь, как общеизвестно, «и убогая, и обильная...», у А. Блока же в «Новой Америке» – лишь «убокая финская...». Этот «левый» дальтонизм – способность видеть только одну сторону многогранного явления – встречается в творчестве писателя неоднократно: в «России», «Осеннем дне», «Возмездии»,

«Двенадцати» и других произведениях.

Я не ставлю под сомнение наличие в действительности блоковской России, но сомневаюсь в продуктивности такого взгляда, такого художественного метода. О возможности и необходимости иного подхода справедливо писал и сам поэт в октябре 1911 года: «Нам опять нужна вся душа, всё житейское, весь человек... Возвратимся к психологии... Назад, к душе, не только к «человеку», но и ко всему человеку – с духом, душой и телом, с житейским – трижды так» (Блок А. Дневник. – М., 1989). К сожалению, этот принцип применительно к России чаще всего не соблюдается Блоком: в его зрелой лирике дух, душа отчизны практически отсутствуют.

У Н. Некрасова (который, по общепринятому и справедливому мнению, был созвучен поэту в понимании многих вопросов) в гениальном стихотворении «Тишина» есть строки, передающие состояние души, явно недоступное А. Блоку, автору третьего тома лирики:

Войди! Христос положит руки

И снимет волею святой

С души оковы, с сердца муки

И язы с совести большой...

Я внял... я детски умилился...

И долго я рыдал и бился

О плиты старые челом,

Чтобы протил, чтоб заступился.

В стихотворении «Грешить бесстыдно, непробудно...» (1914) А. Блок в изображении Родины идёт по наезженной колее, на которой он печально предсказуемо (вновь отчизна предстаёт в виде «тёмного царства»). Удивление вызывает то, что поэт психологически неудачно соединяет в лирическом герое два несовместимых человеческих типа.

Социальная ограниченность авторского видения человека и России проявляется в данном случае со всей очевидностью. Так, герой – представитель «тёмного царства» – лишён А. Блоком каких-либо здоровых начал. Если он и совершает благо деяние (жертвует деньги на храм), то тут же поэт это деяние перечёркивает: «А воротаясь домой, обмерить // На тот же грош кого-нибудь». Схематизм, однобокость в изображении жизни здесь и далее в тексте проявляется в предельной степени:

И под лампадой у иконы

Пить чай, отщёлкивая счёт,

Потом переслюнуть купоны,

Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые

В тяжёлом завалиться сне...

Подобные стереотипы в изображении «старой» России найдут своё отражение в «Двенадцати», «Интеллигенции и революции».

Однако в первой части стихотворения повествуется, думается, не о «Диких», а об их судьях – интеллигентах, ибо «пройти стороной в Божий храм», «Тайком к заплёванному полу // Горячим прикоснуться лбом» – это поведение человека, оторванного от религиозно-национальных корней. Плохо также стыкуются факты из двух частей, условно говоря, «интеллигентской» и «мещанской»: с одной стороны, «счёт потерять ночам и дням», «голова от хмеля трудная», с другой – пусть и с сарказмом, но речь идёт всё же о работе. То есть для того, чтобы появились «переслюнявленные купоны», нужно трудиться.

Именно это соединение боли, жалости, любви к Родине и непонимание, неприятие её сути, духовного предназначения определило пафос «Коршуна» (1916) – стихотворения, завершающего раздел «Родина». Материнскому завету «крест неси» Блок придаёт негативный смысл. Поэтом ответ на вопрос, венчающий произведение, не вызывает у него сомнений: избавление человека, России от несчастий, «коршуна» возможно лишь на пути непокорства, переступления через крест.

Когда это вскоре произошло, Блок, как следует из всего сказанного, был уже готов воскликнуть: «Чёрная злоба, святая злоба», «Эх, эх, без креста...».

ЮБИЛЕЙ

ЖИЗНЕТВОРЕЦ И СИСТЕМЩИК

4 июня – 60 лет Юрию Михайловичу Павлову, выдающемуся критику, Заслуженному деятелю науки Кубани, профессору КубГУ, главному редактору литературно-исторического журнала «Родная Кубань».

– На эту лекцию всё равно пойдем, хоть и седьмая пара. Павлов же читает! Нет, он перекличек не делает... Но такого нигде не услышишь.

Это – будни журфака КубГУ.

Профессионал отдает ему всё больше сил и подвижнический труд во имя Слова оборачивается особой отдачей, энергетикой, озарениями Мастера.

Формальные вехи и знаки наполнены в его судьбе полнокровным жизненным смыслом.

В 1986-м Юрий Павлов, ученик легендарного профессора М. М. Савченко, стал одним из самых молодых кандидатов наук в стране; диссертация выпускника кубанского филфака, блестяще защищенная в авторитетном столичном диссертационном совете и посвященная творчеству В. Личутина, опередила эпоху и востребована до сих пор. А в 2004 он, завкафедрой литературы в Армавирском пединституте, стал самым молодым доктором-гуманитарием в России. В этом – свежесть открытий и признание заслуг. Но главное даже не развитие собственных ярких концепций. (Кстати, в 2017-м выходит новая монография профессора Павлова о художественной концепции личности). Не менее важна научно-критическая школа, какую мало кому дано сотворить. Она растет уже достаточно давно: под руководством Ю. М. Павлова защищены пятнадцать кандидатских, одна докторская диссертации. Все работы – пульс озарений, высокая нравственная нота. И в его случае так живо звучат статусные титулы: заслуженный деятель науки Кубани, победитель конкурса «Олимп науки Кубани», замдекана журфака по науке...

Сотворение бытия и его восемь книг, пять из которых изданы в Москве, сотни статей в «Нашем современнике», «Москве», «Молодой гвардии», «Огоньке», «Литературной газете», «Литературной России», «Завтра», «Дне литературы», «Кубани», «Родной Кубани», «Российском писателе»... Знаки высокого признания – награды: наш земляк лауреат премии им. Александра Невского «России верные сыны», им. Вадима Кожинова и газеты «Литературная Россия».

Ю. Павлов – один из двух ныне живущих кубанцев, наряду с гениальным Виктором Лихоносовым, представленных в энциклопедическом источнике, который посвящен пятидесяти лучшим русским прозаикам, поэтам, критикам всех времен. Да-да, в той авторитетнейшей книге, составленной В. Бондаренко, «гамбургским счётчиком». Эти звездные меты закономерны – но могли ведь и обойти, тем более что Юрию Михайловичу напрочь чуждо какое бы то ни было искательство...

А вот не могло не случиться иное: Павлову предначертана доля властителя дум и душ. Что так влечет к нему молодых-нынешних, небывало искренних, резких, требовательных, критичных? Редкий сплав энциклопедизма, остроумия, нравственных высот в науке и учебе. Верно шутят наши студенты и коллеги: зачем интернет – спросите у Павлова! Скажет точнее! Его беседы, лекции – гармония парадоксов и нравственных приоритетов, духовная жизнь в них творится на глазах, на слуху, они афористичны, просты, глубоки и полемичны. Незабываемы. В лучших традициях – системны, и система эта переливается светом Веры, добрых чувств, неодолимой созидательной силы.

Так было и в десятилетия армавирского служения, и теперь. Работа на журфаке КубГУ – новый этап как для

Юрия Павлова, так и для высшей школы Юга России, для духовного пространства. В вузовскую жизнь, богатую событиями, открытиями, именами, он внес небывалый, долгожданный творческий подъем. За короткое время журфаковские его питомцы стали необходимыми авторами для «Нашего современника», «Дня литературы», других изданий; для студенческих горизонтов символично газетное имя «Завтра», где то и дело встречаешь юную «Павловскую школу», кубанскую поросль. В 2007-м о Павлове писали: «Главный бой еще впереди, Юрий Михайлович! Все впереди». Этот светлый прогноз, напоминая о названии повести любимого Павловым Василия Белова, сбывается и на горизонтах тех, кто избрал Павловское ученичество. Один из воспитанников, Сергей Панченко, пишет: «Не стеснявшийся своих убеждений, он и нас, студентов, учил в духе настоящей свободы – когда человек следует своему внутреннему голосу, а не навязанным извне мнениям о том, что должно быть правильно. Его оценка людей по духу стала для меня важным уроком. В этом смысле Юрий Михайлович не следовал формальному разграничению по поверхностным признакам на «своих» и «чужих». Он прислушивался к иной точке зрения, если она была обоснована. Далеко не все обучающиеся выдержали его проверку, как судьи. Но были и те, кто, несмотря на различия в мировоззрениях, заслужили уважение этого ученого».

Дорогого стоит. Так могли бы сказать сотни...

Беспримечен и иной вклад профессора в полнокровное духовное бытие. Именно Ю. Павлов – вдохновитель и движитель международных Селезневских конференций, которым лишь третий год, а они уже стали знаком всего самого яркого в кубанском гуманитарном пространстве. Жертвенность, мощь и авторитет Ученого, организатора, бойца – эти стороны таланта сплелись в прочную нить сотворения высокого праздника Слова. Пригодился его опыт десяти Кожиновских конференций в Армавири, но нынешние условия сложнее, отдача нужна неизмеримо выше. Бесценна возможность, которую без Юрия Павлова свершить было нереально: кубанские студенты могут «у себя дома» общаться с живыми классиками, от Веры Галактионовой до Владимира Бондаренко; с культовыми современниками З. Прилепиным, А. Тимофеевым, Е. Тулушевой...

Выдающий вологодский филолог и критик профессор Виктор Бараков систематизировал россыпь Павловских суждений. О столичной монографии сказано: «Главные, сокровенные мысли Ю. Павлова о русской критике, о её предназначении рассыпаны по всему тексту книги: – «Национальная принадлежность писателя определяется не языком, на котором он пишет, на чем настаивают русскоязычные авторы, а его духовно-культурной пропиской».

– «Оценивать критика нужно по качеству анализа текста, глубине и новизне понимания автора, явления и т.д.»

– «Подмена взвешиваемого анализа «хлесткими негативными характеристиками» или безудержным восхвалением; игнорирование работ предшественников, отсутствие ссылок на статьи коллег-современников; гипертрофированная самореализация критика в ущерб объекту исследования (то есть игнорирование его как самоценной данности); отсутствие личностно-творческого начала, когда «зоил» – лишь ретранслятор набивших оскомину общеизвестных мыслей о литературе и жизни... типичные для текущей критики недостатки».

– «Художественная реальность соотносится с жизненной реальностью, авторский взгляд на мир и человека проверяется системой ценностей, традиционных для отечественной литературы, культуры, истории, философии».

В этих искрах – внутренний огонь самодостаточного поиска. И в то же время – высокий преемственный ряд. О нем – историчные, точные слова Ю. Архипова: «...постепенно место Павлова – острого и принципиального критика, систематизатора современной литературы, блестящего ученого – не заметить стало невозможно. Первые его статьи пришли к нам в «День литературы» самотёком, без чьих-то рекомендаций. Я абсолютно не знал, кто он такой: старый ли дед, решивший навести порядок в литературных рядах, молодой ли и дерзкий юноша с живым блеском в глазах... Меня привлекли сами статьи – полемические, аргументированные. По сути, он явный продолжатель селезневской линии и в критике, и в литературно-общественной жизни. Так уж, очевидно, было предсказано свыше – не дали закончить Юрию Селезнёву, но та же Кубань родила из неба и земли ещё одного настоящего русского критика, продолжателя национальных традиций». По справедливым словам Ю. Козлова, «имя Павлова можно смело ставить в один ряд с такими подвижниками русского дела, как Вадим Кожинов, Юрий Селезнёв, Михаил Лобанов, Анатолий Ланщикова».

Значимость научных результатов верно подмечает профессор Ирина Калус (Гречаник). Эта кубанская ученица Павлова, свыше десяти лет работавшая в столичном супервузе, в МГУ им. Шолохова, пишет о трудах учителя: «Статьёй о Михаиле Лобанове опрокинуто мнение о том, что в современной критике нет подлинных богатырей, людей, у которых совпадают слово и дело. Ведущий идеолог «русской партии», М. Лобанов через свою личную творческую судьбу пронёс чувство сопричастности судьбе народной, религиозно-духовное восприятие мира. Сквозь разговор о веке XX в книге проступают голоса из XIX века: К. Аксакова, А. Хомякова, Н. Страхова и других, – «услышанность» которых стремится усилить Ю. Павлов».

Даже добросовестные оппоненты признают: опора ученого – на безупречные источники, блестящее знание истории литературы и публицистики, последовательная патриотическая позиция

А единомышленники приходят к емкому исходу: по суждению Капитолины Кокшеневой, «Юрий Павлов, безусловно, мыслит себя как критик-патриот и государственный». И не менее показательно слово Сергея Шаргунова: «Юрий Павлов воинствует ради мира».

Даже если б создал только свою школу – это осталось бы в истории высшего образования, в истории критики.

Даже если б запомнился только конференциями – хватило бы на десятилетия.

Даже если б просто читал свои неповторимые лекции – низкий поклон надолго.

А ведь живет всё враз – всё это и многое иное, в системной гармонии, в соразвитии с главными духовными дорогами Русского дела. Дай бог ещё много жизней – то есть много сил в этой одной.

Десять лет назад на юбилейной волне о Павлове писали так, например, Ю. Архипов: «Юрий Михайлович Павлов достиг своей зрелости – своего пятидесятилетия. Южный кубанский ветер наполняет его пассионарностью и великими замыслами. Дай Бог, чтобы они свершились».

И добавлял: «Здоровья, творческой радости!»

Сбылось с лихвой, ибо – от большого сердца... Сердце нашего писательского сообщества не меньше; и пожелания юбиляру-2017 столь же искренние, теплые, волнующие, согласно остроте момента. Да хранят небеса хранителя чистоты и таланта. И да будут новые взлеты его дара на благо Вере, Слову, краю, Отечеству.

Игорь Темин

РОДНОЕ

Александр Сенин
(Усть-Лабинск)

Хуторок в степи

Есть такой зеленый островок посреди поля за Кирпилями, под Раздольной. Я его называю Неплюевским. И, вроде, прижилось название, хотя можно его назвать Фирсовским, или «Последним блеском «Зари социализма»». Был там когда-то такой колхоз, от него осталось только старое кладбище, да наши три хаты.

Есть, правда, на отшибе ещё одна усадьба, там живёт известный поэт и композитор. Известный, больше, по автобусам и базарам. Он живёт на отшибе, сам по себе – знаменитость.

У нас и автобус не каждый останавливается. Наши-то, Усть-Лабинские водители, людей не обижать. А вот Кореновские бабкам нервы потреплют, нет, мол, тут останки, идите пешком от Раздольной два километра для разминки. Бабкам часто ездить приходится: то за хлебом, то за сахаром, то зерно получить или за свет заплатить. У них и возраст спортивного расцвета: одной 79 лет, другой под 70 лет. Это мне отлучаться из хутора не надо: вышел на дорогу, дал деньги водителю и через полтора часа полу-

чай заказ. Друзья, вроде бы, с водителями.

Попали мы все на хутор по-разному. Дед Неплюев здесь с 1912 года. Как родился, так и живёт. И указание дал сберечь его в саду, где уже лежит 14 человек его родни. Отлучался только на войну, откуда привёз Афанасьевну, свою жену. Так и живёт она здесь с дедом больше пятидесяти лет, как за «каменной китайской стеной»: и в колхозном поле она, и дома, и в огороде. Дед – активист, комсомолец двадцатых годов, колхоз организовывал. Он и сейчас такой. Но, главное, память у деда отличная. Я у него консультации получаю, как казаки хозяйство вели. Успел он у них в батраках побывать. Огород стараюсь держать, как он:

на берегу вербы, метров десять сенокос, а потом уже и запашка. Да так и было в станице раньше, это сейчас забыли, и к нам на хутор под вербочки едут – своих-то уж нет.

Фирсы – тоже коренные, но моложе. Дед Серёга тётку Елену из-за реки в жёны взял. Правда, его схоронили недавно. И знал я его плохо, но дед был безобидный. Тетка Елена всю жизнь проработала свиначкой, а сейчас тянет дом на себе. Колька, сын её, один из лучших сварщиков в Кирпилях, с известным недостатком русских мастеровых. Парень безотказный и доброжелательный, тоже пенсионер. Рыбак. Бывает, километров шесть речки исхлещет удочкой из-за двух карасей, но с реки не уйдёт.

А я после армейских скитаний по задворкам Российской империи прикупил здесь хатку-развалюшку. Как говорил мой товарищ Женька Кармазин: «Сюда убежал к горизонту, в долину».

Я сам себе врач, у меня свой рецепт. Мне здесь хорошо. Телята мычат, козы мекают, поросята повизгивают, куры, утки шныряют, голуби воркуют. Только кролики молчат. Да собаки по делу голос подадут. А вы видели, чтобы кошки проважали и встречали вас на автобусной остановке? Нет.

Жизнь здесь. В городе и станице – это битва за жизнь, и то, бестолковая и бессмысленная. Не поймёшь там, для чего ты есть на белом свете. А здесь каждый живёт в своём мире. Мире своих мыслей и понятий. И всем места хватает. У нас и воздух другой, без спрессованной злобности города. Оно и у нас бывает, но злобу эту ветром раздувает и дождиком смывает.

Говорят, что живём мы, как на даче. А кто мешает вам? Места, опять же, хватает. Были бы люди. Да автобусы б останавливались...

ПРОЗА

Валерий Миронов Хочу быть русским

Я лежал на пляже в моей любимой Кабардинке. Время подходило к десяти, солнце начинало припекать, я приподнялся на шезлонге и огляделся. Море было спокойным, справа на противоположном берегу Цемесской бухты в лёгкой дымке виднелся Новороссийск. Пара яхт отпечаталась на голубом небосводе белыми парусами, да красный парашют медленно парил над горизонтом. Надо было отправиться в съёмное жилище, которое меня устраивало по цене и по состоянию от моря.

Пляж уже заполнился настолько, что шум моря превратился в ненавязчивый галдёж отдыхающих, в котором слова были едва различимы. Запах чебуреков, пирожков, шашлыков, кукурузы и прочей быстро подгорающей еды отравлял морской бриз настолько, что воздух уже не казался свежим, чистым и прохладным.

— Мама, а что, я теперь буду настоящей москвичкой? — это говорила девочка лет 12-ти, которая сидела на шезлонге рядом с женщиной лет тридцати. Я прислушался, этот разговор меня заинтересовал.

— Да, доченька, как только Новая Москва накроет наш город, мы с тобой станем москвичками со всеми столичными привилегиями.

Мне хотелось добавить: с колбасой, икрой и растворимым кофе, но это воспоминание из другой эпохи. Для меня сейчас столичное притяжение определялось только размером моей пенсии.

Неожиданно я улетел в собственное прошлое, когда отец первый раз повёз меня в Москву во время летних каникул. Торжественное чувство пронизывало всё моё существо от предвкушения, что я побываю в главном городе нашей страны. Жил я тогда в Салавате, город был моим ровесником, в котором проживали около 60 тысяч человек, работающих в основном на химических комбинатах, построенных после войны.

— Поезд № 25 Караганда — Москва прибывает в столицу нашей Родины, — раздавалось из вагонного радио, и заиграл гимн Советского Союза.

Сердце наполнилось гордостью и радостью, что через несколько минут я окажусь в Москве. В этом возвышенном состоянии я пребывал в первопрестольной на протяжении трёх дней отцовской командировки.

По ходу жизни мне не раз приходилось приезжать в столицу, но первый приезд не забылся, хотя было это более полувека назад. Припомнилось, что бегая за отцом по улице Горького, мне очень хотелось побыть одному и со скучающим видом прошвырнуться по главной улице, чтобы меня

приняли за москвича.

Каждый, кто родился в СССР, наверняка помнит собственную Москву, как она появилась в жизни и что значила. Мне долго казалось, что столица — это социалистический рай, в котором нет дефицита ни в чём, и там живут избранные, заслуженные люди — мастера своего дела. Мне очень хотелось заслужить собственным трудом право жить в этом городе, но иногда мечты сбываются или перестают быть мечтами, превращаясь в воспоминания, от которых становится тепло и уютно на душе.

Когда учился в институте, пришлось подрабатывать проводником вагона на московских маршрутах, поэтому встреч с москвичами у меня было достаточно. Со временем понял, что в столице живут обычные люди, мечтающие об отдыхе на Чёрном море, на которое мне легко было добраться из моего родного Краснодара. Поразила встреча с москвичкой, учившейся в столичном вузе, с которой я пытался завести роман, не отрываясь от вагонных обязанностей. В разговорах тема зашла о праздниках, и она на полном серьёзе спросила: «А что в вашем Краснодаре бывают демонстрации?» Я подхватил эту линию, потому что принял её за розыгрыш.

— А что такое демонстрация? — спросил я наивно. Видать моё удивление было настолько натуральным, что пассажирка начала рассказывать про транспаранты, танки, пушки и ракеты, которые двигались по Красной площади. Я несколько минут продолжал играть роль зеваки с открытым от удивления ртом. Но туман продолжался недолго, потому что пришлось сказать:

— У нас в Краснодаре есть улица Красная, видать, Красная площадь названа в честь этой улицы. В этом месте собеседница остановилась и спросила:

— Я что-то не так говорю?

Пришлось рассказать, что в нашей стране демонстрации проходят в каждом населённом пункте. Скажу честно, после этого разговора мне стало неинтересно общаться с москвичкой; я начал говорить загадками и головоломками, пытаюсь проэкззаменовать собеседницу по истории нашей страны. Этот случай перевернул моё убеждение, что только Москва — научный, культурный и технический центр нашей страны. Уютный Краснодар стал нравиться больше, а вместе с ним и его жители. У меня пропало навязчивое желание оказаться в Москве на ПМЖ. Я прекратил искать невесту среди московских барышень, предпочитая краснодарских девушек. Во всяком случае, они не спешили на метро, высыпались, были приветливыми, милыми и нежными.

Вернувшись в действительность, я был благодарен девочке с кабардинского пляжа, которая ненаором напомнила мне патристическое состояние, переживаемое в детстве, когда город Москва был для меня местом, откуда начиналось наше великое государство, в котором можно было жить счастливо и реализовать себя в любом городе. При жизни в СССР я искренно верил, когда пел: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...?». Мечты о зарубежном гражданстве мне даже в голову не залетали.

Лет пять назад мне посчастливилось отдыхать с моей внучкой Евой в Кабардинке, на этом же пляже я встретился с дворовым товарищем, с которым играли в войну и лазили по садам в далёком детстве. Разговорились, нам было, что вспомнить. Друга звали Андрей, он поведал, как трудноразно живётся в Салавате в пенсионном возрасте, но с гордостью рассказал, что его сын в начале девяностых рванул в Германию, там нашёл работу, связанную с IT-технологиями. Женится на немке, вид на жительство уже есть, скоро получит гражданство.

— Мои внуки будут немцами! — с гордостью сказал Андрей.

И тут меня переключило, я вспомнил, как мы играли в войнушку, когда нам было 8-12 лет. Естественно, мы воевали с немцами, но никто не хотел быть фашистом. Любыми путями мы хотели увильнуть от этой роли. И не потому, что по ходу игры все немцы должны были погибнуть, нет. А потому, что с момента рождения они были для нас врагами. Мы их люто по-детски ненавидели, хотя и не встречались, а презирали ещё больше потому, что судьба не дала нам возможность воевать с ними и победить. Наш патриотизм подпитывался фильмами о войне и прививался в пионерской организации. А в школе нас учили любить Родину и защищать её от врагов.

В пятидесятых годах прошлого века воспоминания о войне были ещё свежи, её следы были видны в каждом городе, пережившем оккупацию. Она оживала в воспоминаниях наших отцов, дедов, матерей и бабушек. Участники войны не любили хвастать, поэтому награды не часто звенели на груди героев войны, но планки, которые они носили на левой стороне груди, притягивали мальчишеские взгляды, потому что за строгими разноцветными полосками стоял героизм в боевых действиях.

Когда мы, пацаны, понарошку воевали в собственном дворе, приходилось делиться на немцев и русских. Стайка мальчишек становилась в круг и начинали считать: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана...», — и так далее. Кто выходил — становился немцем, стоящий следом начинал считать по новой до тех пор, пока команды не разделялись поровну.

За порядком следили строго, каждое слово выговаривали чётко, прикасаясь к груди считающего. Скандаль и пересчёты случались, потому что никто не хотел быть фашистом. И хотя это была игра, но все делалось по-настоящему: дружба, взаимовыручка, умение с достоинством терпеть синяки и шишки всё это в жизни пригодилось. В игре участвовала и девочка-санитарка с синими глазами, а бойцы старались отличиться, чтобы заслужить её одобрительный взгляд. Мы с Андреем удираем от немцев, я кричу: «Разбегаемся!» — и прыгаю через кустарник на газон, покрытый глубоким снегом, делаю ещё несколько прыжков и слетаю в лодочку теплотрассы, который мы с Андреем присмотрели давно. Испуг сменяется ликованием: ушёл! Поднимаюсь к люку по скобам, которые ступеньками вмурованы в стену колодца и слышу, как Андрей говорит противнику:

— Я знаю, где Колька. Пошли!

«Он предаёт меня фашистам», — подумал я с ненавистью. Трое подходят к колодцу среди них Андрей

— Вылезай, — говорит старший среди «немцев» и протягивает мне руку. Но в это время на газон врываются трое «русских». Нас больше, и мы побеждаем.

Разбор полётов после этой игры был для меня неожиданностью. Собрались «немцы» и «русские» и начали выяснять, почему Андрей предал своего товарища. В прениях выяснилось, что никто его не пугал и не бил, его просто спросили, где я, и он показал, потому что знал потаённое место.

— Я боялся за него и хотел спасти — жалобно ныл Андрей, но его никто не слушал.

— Надо было ко мне обратиться, а не предавать, — твёрдо отрезала санитарка и сочувственно посмотрела на меня.

Ябедничество, подхалимство и предательство осуждались в нашем дворе основательно.

— Что делать с ним будем? — спросил у ребят самый старший из нас, по кличке Шарон

— Пусть теперь всё время будет немцем, — сказал Юрка по кличке Второгодник Все одобрительно загудели.

— Голосуем, — сказал Шарон. — Кто за то, чтобы Андрея навечно внести в список немцев?

Лес рук, и Андрей стал немцем.

— Мы так не договаривались! — закричал Андрей.

— А мы вообще не хотим с тобой договариваться, предатель, — рявкнул Второгодник

— Не хочу быть немцем, не хочу... не хочу быть немцем! — продолжал протестовать Андрей...

Все это пронеслось в памяти, потому

что Андрей, ныне ставший обладателем солидной плечи и пивного брюшка, ничем не похожий на пацана из дворового детства, продолжал повторять:

— Ты только представь себе! Мои внуки будут немцами!

Что-то брезгливо-неприятное шевельнулось у меня в груди.

— Зря радуешься, по европейским законам дед внукам не родственник, — язвительно сказал я.

...Солнце поднималось все выше, но до полуденной жары было ещё далеко. Новоиспеченные «москвички», накиннув полотенца на покрасневшие плечи, гордо прошествовали в раздевалку.

— Дед! Поплыли к буйкам! — это кричала моя внучка, слава богу, российского происхождения и гражданства.

Я поднялся и побежал к воде.

«А пацаны не ошиблись, когда выбрали его в немцы», — пролетело в голове.

ПАМЯТЬ НАРОДНАЯ

Было что-то невероятно страшное. Казалось, небо перемешалось с землёй. Это был первый фашистский налёт, он застал нас с мамой на открытом пространстве, когда мы шли из школы домой по тропинке между соседними огородами. От разрывов бомб трещала голова. К счастью, мы ускользнули в сливную яму, и мама закрывала мне грудь рукой, стараясь прикрыть моё сердце. И мы, уткнувшись в грязь лицом, мало чего понимая, всё теснее прижимались друг к другу.

Вдруг всё затихло. Грязные и объятые страхом, мы двинулись домой. Но тут опять налёт повторился. Мы заскочили в сторожку, куда набилось много людей. На длинной скамейке

Тамара Данцева
(Гулькевичи)

Бомбежка

(отрывок из книги «Вишенка моя»)

лежала контуженая девушка с полностью забинтованной головой. Эта белая голова до сих пор стоит у меня перед глазами, а в душе не

стихает пронзительное чувство жалости...

После этого налёта, наконец, добрались домой. Но бомбёжки продолжались. Во время налёта мы укрывались в погребе.

Казалось, с каким-то невероятно страшным скрежетом сталь бьётся о сталь, разрывается в осколки, и нас обязательно сейчас же разорвёт.

Я кричала:
– Мамочка! Я боюсь! Я боюсь!

А она мне:
– Повторяй: «Господи, спаси нас! И крестись!».

И я старалась перекричать рев бом: «Господи, спаси нас!». И не слышала собственных слов: «Господи, спаси нас!» Уже не боялась, что попаду под бомбу.

После этого случая бабушка, мама, тётя Наташа, жена ушедшего на фронт маминого брата Василия, три их сыночка и я ушли в горы. Вместе со станичниками рыли норы, чтобы спастись от бомб. Только один дедушка остался в доме, готовил еду и носил её нам. Мы днём прятались, а ночь была превращена в день: мылись, переодевались, причёсывались и ели. Так

закончилось моё васильковое детство, и началось для меня Великая Отечественная война.

ЛЮБОВЬ ИШУНЬКИНА
(Анапа)

ОН ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА!

(отрывок из очерка)

Рассказ о войне Петр Федорович Кравченко начал со слов присяги: «Торжественно присягаю... и если я нарушу... пусть меня покарает презрение народа...» В восемнадцать лет меня призвали в действующую Армию. В Темрюкском районе призвали, потом парходом на Славянск-на-Кубани, а оттуда мы шли своим ходом на Ивановскую, Андреевскую, Новотитаровскую. Присягу я принимал в 1942 году осенью. Находились мы в предгорье Кавказа. В центре предгорья расположены были два поселка Малое и Большое Лепрозорье, а по хребту Убинский – Дербентская станица, куда нас немец загнал осенью 1942 года. Там мы укрывались до наступления. Первый бой принял под Новотитаровской. Тогда нам всем было по восемнадцать. Мы ещё в гражданской форме, не успели даже обмундирование получить. Была у нас подвода для продуктов, и мы своим ходом шли.

Немец наступал, жал с Ростова на Краснодар. А наша дивизия сдерживала наступление. И когда уже Краснодар мы сдавали, то нас по частям распределили. Лесок небольшой, выстроили всех в четыре колонны, командиры отсчитывали себе человек сто и забирали. К нам подошел капитан (начальник разведки полка) выбрал восемнадцать человек и отвел в расположение части. Потом нас стали сортировать по образованию, и попал я в 900 Артиллерийский полк, 339-я Ростовская Таманская Бранденбургская Краснознаменная ордена Суворова 2-й степени стрелковая дивизия. Хорошая дивизия была. Бои шли жестокие, немцы наступали и вскоре взяли Краснодар. Дивизия двигалась в сторону станицы Марьянская. Мы переправились через Кубань на хутор Афипиский, небольшой хуторок был. Мы там недолго стояли. Потом немец снова пошел в наступление. Отвоевал у нас Марьянскую и подошел вплотную к реке Кубань.

Помню, назначили меня первым раз на пост – охранять склад боеприпасов. Только я заступил на дежурство, как стрельба началась, немец перешел в наступление и наша часть начала отступать, а меня у склада забыли. Тут уже немец близко, а я все стою. В полку были подводы для сбора кабеля связи, и связист заметил меня:

– Ты чего стоишь?

– Боеприпасы охраняю.

– Какие боеприпасы! Немцы наступают, скоро здесь будут. Садись быстрее!

Догнали мы часть на Северской. Там небольшой конезавод был, может лошадей с полсотни, мы взяли себе по лошади. Мне попался объезженный конь трехлетка. Положил телогрейку вместо седла, и на этой лошадке двинулся в отступление. Северскую прошли, на Чабановский перевал вышли, потом повернули на Архипо-Осиповку, вдоль побережья. Вышли на дорогу в сторону Геленджика, пошли в горы. Здесь небольшая полянка была Пшада и речушка Пшада, мы по той речушке пошли снова на Север и заняли оборону на предгорье Кавказа, за Холмской. Там мы простояли в обороне всю осень и до конца февраля.

ПРОЗА

Степан Деревянко

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

(рассказ)

Ромка вернулся со службы весной. Пока он служил срочную в войсках стратегического назначения, сестра вышла замуж и ушла из семьи, а отца на велосипеде сбита машина, и он передвигался на костылях и болел. Пенсию по болезни отцу не платили, на неё нужно было оформляться, месяцами ходить по врачам, просить, психовать, а потом на комиссии по инвалидности давать взятку – без неё врачебные записи могли и не посмотреть. До пенсии по старости отец ещё не дожил, так что семью содержала одна мать, работая у людей на строительных шабашках. Этим мать занималась со времён перестройки, когда уволилась с почты. Ромка до службы матери помогал, у неё научился штукатурить, малярить, класть плитку, а кирпичную кладку приноровился делать сам – ничего сложного в кладке не видел – шлёпай кирпичи попка к попке. Углы? Там да, покорпеть надо, спину погнуть, пристреливая глазом каждый кирпич по отвесу или уровню. Но тоже ума много не надо.

Все эти строительные навыки Ромкегодились на службе. По сути, он и не служил, а только строил и отделявал с напарником гаражи и квартиры для офицеров, которые продавал им же командир части. «Мутил деньгу» командир, так говорил Ромка. В строящихся гаражах или квартирах они с напарником и жили, а по приказу сопровождали по стране военные грузы.

Дома Ромка службу долго не отгуливал, пошёл шабашить, другой работы не было. В напарники взял соседа оболтуся, чтобы мешал раствор, и занялся тем, на что был спрос. А спрос

в станице появился, пока он служил, на укладку тротуарной плитки. Кубанская погода (летом жара и сушь, а зимой то морозы, то слякоть) разрушала бетонные дорожки, люди стали стелить поверх дорожек плитку, и она хорошо держалась. За такую работу неплохо платили, а Ромке предстояло за лето заработать приличные деньги, чтобы осенью съездить с отцом на Дальний Восток и вернуться обратно. Отец просил Ромку свозить его на Родину, чтобы проститься с роднёй и привезти оттуда горсть земли на могилу себе. Ромка обещал, хотя мать была против поездки и считала просьбу отца блажью. Она вообще имела характер жёсткий в отличие от отца. Когда-то сама привезла его на Кубань, женила на себе, родила двоих детей и понукала отца всю жизнь, как хотела. Дети получились разного характера: сестра в мать, Ромка ни в мать, ни в отца, из-за чего частенько бывал с матерью в контрах.

Всё лето худенький невысокий Ромка работал не разгибая коленей и спины, потому что кладут плитку стоя на коленях. Обгорел на солнце, устал, но денег на поездку себе и отцу заработал. Ехать собирались в сентябре на поезде, чтобы посмотреть страну. Но отец в последний момент, когда предстояло брать билеты, отказался от поездки. Причину Ромка знал и вечером обратился к матери:

– Не отпускаешь отца?

– И тебя, дурака, тоже. Чего вы туда потащитесь, на край земли? Только деньги растряскаете, – ответила мать.

– Мам, это мои деньги, и отцу я обещал. Мне тоже интересно

встретиться с роднёй, к тому же...

Ромка хотел сказать про «горсть земли», но осёкся, лучше мать не заводите, а то начнёт про «блажь» и прочее, однако мать продолжила:

– За всю жизнь он в свою тайгу ни разу не ездил, а теперь, видите ли, захотелось. Нечего на костылях по белу свету шляться!

– Он бы поехал, да у тебя разве поедешь? Ты ж как домашняя собака, за всё «гав», если не по-твоему.

– Я – собака?

И мать швырнула в Ромку грязной тарелкой. Разговор происходил на кухне. Отец смотрел телевизор в зале и не слышал ничего. Ромка увернулся, тарелка разлетелась.

– Выростила сыночка на свою голову. Подлец! Поедешь – домой не пуцуй! – завершила разговор мать.

Но Ромка поехал. Попроштался с отцом – тот растроился до слёз, что не едет, а матери ничего не сказал. Ехал, как и хотел, на поезде. Ранняя осень полыхала за окнами вагона, и столько по пути встречалось необычного и интересного, что у Ромки сжималось сердце от красоты Родины. И он пожалел, что на службе не сопровождал военные грузы, а гамбалил на жуликоватого командира.

На предпоследней станции перед Владивостоком он под утро сошёл с поезда, добрался до нужного посёлка с местным коммерсантом к обеду и обалдел: высокий пологий бугор, на нём дома, внизу река, за домами лес – красотища! На Кубани, в степи, такое не увидишь, там глаз радуют ровные зелёные

или золотистые поля, когда пшеница созревает, а здесь всё такое разное, душе радостно, живи – не хочу! Но ещё больше Ромка убедился в верности своего первого впечатления, когда познакомился с роднёй и узнал, что люди живут в посёлке охотой, рыбалкой – вольно живут. В цене и такие мастеровые, как он. Рассказала ему тётюшка о его родителях, в посёлке помнили отца и мать. Мать после техникума прислали в посёлок работать на почте, тогда и потерял от любви к ней голову отец. После техникумовской отработки мать увезла отца к себе на родину.

Месяц погостил Ромка у родни, погулял с братьями по тайге, пострелял, порыбачил и влюбился в девчонку Айку, невысокую, под свой рост, круглолицую, с глазами как у японки или китаянки. Обнимались, целовались, горячая была Айка, и Ромка понял – девчонка для жизни стоящая. Её он привёз в станицу.

Мать негодовала:

– Поехал за горстью земли, а привёз в двух горстях! Тут что ль девчат мало?

– Тут таких красивых нет, – ответил Ромка и поцеловал Айку. – И вообще, мать, вспомни, откуда ты привезла отца, и давай не «кусаться». Это будет моя жена, и жить мы будем отдельно, когда дом построю.

– Ой, дурной, дурной ты сын, да что ж я тебе чужая...

– Клавочка, успокойся, хороша ж девочка, – произнёс молчавший до этого отец.

Айка на удивление и радость матери оказалась сговорчивой, тихой невесткой, каких в казачьей станице днём с огнём не сыщешь. А когда родила дочь, бабушка совсем оттаяла, помогла сыну достроить домик, после новоселья, с невесткой и внучкой, которую Айка назвала именем свекрови, отправилась в дальние края, в таёжный посёлок знакомиться с новой роднёй. А мужа оставила на попечение дочери и сына...

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка

и художественное оформление: А. Прокопенко

Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350061

ул. Красноармейская, д.39, ком.115
тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

<http://sites.google.com/site/sprosia>

и <https://sites.google.com/view/krospr-gazeta>

и Краснодарской краевой универсальной

научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Флер-1»

г. Краснодар,

ул. Уральская, 98/2

8(861) 274-10-74

Заказ №

Подписано в печать

14.05.2017 г.

по графику в 10.00,

фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров

Цена свободная